

УДК 341

СУБЪЕКТЫ ПРАВОНАРУШЕНИЙ ВО ВРЕМЕНА ПСКОВСКОЙ СУДНОЙ ГРАМОТЫ

© 2009

А.В. Хачатрян, соискатель.

Филиал Самарской гуманитарной академии в г. Тольятти, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: Субъекты; правонарушения; преступления; правоспособность; гражданство; Псковской Судной грамоты.

Аннотация: Рассматриваются проблемы правоспособности представителей различных социальных групп во времена Псковской Судной грамоты. Анализируются критерии определения правоспособности субъекта.

Древнерусское право, подобно правовым системам большинства других государств античного и средневекового мира, различало всех людей по критерию свободы на свободных и несвободных.

К примеру, В.В. Момотов в число свободных лиц древнерусского общества включает следующие группы: горожане, смерды, закупы, вдачи, изорники, кочетники, исполовники и др., а к несвободным относит рабов, холопов, челядь [1]. В период преобладания марксистского подхода к трактовке историко-правовых вопросов исследователи стремились найти подтверждения неравному правовому положению представителей разных классовых групп. Эта направленность в исследованиях изначально предполагала наличие в средневековой Руси сословий, права и обязанности которых были чётко определены как неравные по отношению друг к другу. К примеру, уплата двойной виры по Русской Правде в случае убийства княжеского «мужа» сторонниками этой точки зрения безоговорочно рассматривается как повышенная защита жизни представителей правящего сословия или даже класса феодалов. При этом игнорируется естественное для права любого государства стремление защитить представителей власти от покушений на их жизнь повышенной ответственностью. Именно близость к княжеской власти (в тех условиях – к государственной власти) определяет повышенную меру ответственности за убийство княжеского мужа, а не отношение к сословной группе бояр или классу феодалов.

В новгородском и псковском княжествах все свободные, независимо от своего социального положения, несли равную ответственность за совершённые правонарушения, однако несвободные категории населения обладали ограниченной правоспособностью. Иными словами, они не были бесправные в полном смысле этого слова. Например, по ст. 22 Новгородской судной грамоты предусматривается возможность для холопа выступать в суде в качестве послуха: «...а холоп на холопа послух» [2].

Второй важный критерий определения правоспособности субъекта – половой, деление людей на мужчин и женщин.

Некоторые исследователи XIX века полагали, что в дохристианскую эпоху восточные славяне находились в совершенной гражданской дикости и, в частности, положение женщин было особенно тяжёлым. Под влиянием принятого христианства и смягчения нравов правовое и фактическое положение женщины на Руси улучшилось [3].

Другие исследователи, напротив, видели в христианском влиянии важный фактор постепенного ограничения прав женщины в древнерусском обществе. В частности, В.В. Момотов пишет: «...если до принятия христианства мужчина и женщина в своих гражданских правах были относительно равны, то с его принятием гражданские права женщины претерпевают изменения в сторону умаления по сравнению с правами мужчины» [4].

Однако в светском праве женщина как специальный субъект правонарушений не выступает. Такие случаи, видимо, относились к ведению церковного суда.

Третий важный критерий определения правоспособности субъекта – возраст. В исследовательской литературе указывается, что дееспособность в русском праве наступала в период с 15 до 20 лет. В 15 лет заканчивалось малолетство, а в 20 – несовершеннолетие. Но с изменением правового положения (например, при вступлении в брак) правоспособность могла изменяться и без учета возраста [5]. Характерно, что приводящий эти возрастные границы В.В. Момотов никак не ссылается на источники информации, что и неудивительно – светские источники древнерусского права не регламентируют возраст наступления дееспособности.

Четвёртый значимый критерий – гражданство. Для иностранного подданного, совершившего преступление или правонарушение, судебное разбирательство и наказание определялись по законам той местности, где совершено преступное деяние. Тем не менее, подвластные правителям русских земель и иностранные подданные обладали различным правовым статусом, что хорошо прослеживается в Русской Правде, согласно которой иностранцы могли пред-

ставлять на суд меньшее количество послухов (ст. 18 Пространной редакции Русской Правды) [6].

Точно так же в Договоре Смоленска с Ригою и Готским берегом 1229 г. предусматривалось: «Оже Немецький гость дать свои товар в долг в Смоленьске, а Русин будеть должен Руси, ино Немчию наперед взятии. Та же правда и Русину буди в Ризе, и на Готьском березе» [7]. В этой статье для иностранного кредитора фиксируется преимущественное перед другими кредиторами право требования к должнику.

Согласно ст. 22 Новгородской судной грамоты иноземцы (жители Псковской земли) не имели права выступать в суде в качестве свидетелей: «А послуху на послуха не быть, а Пъсковитину не послуховать...» [8].

В.В. Момотов, ссылаясь на М.Ф. Владимирского-Буданова, утверждает, что по ст. 19 договора новгородцев с Казимиром иноземцы не имели права приобретать недвижимость в Новгороде [9]. Действительно, в тексте договора содержится норма, запрещающая королю, его жене, детям и слугам приобретать недвижимость в новгородской земле: «А на Новгородцкой земле тебе, честны король, сель не ставити, ни закупати, ни даромъ не примати, ни твоеи королевои, ни твоимъ детемъ, ни твоимъ княземъ, ни твоимъ паномъ, ни твоимъ слугамъ» [10]. Между тем Ю.В. Оспенников на основе сопоставления текстов договорных грамот показал, что в них содержатся «готовые формы», повторяющиеся из грамоты в грамоту и указанное ограничение касалось не иностранцев, а лиц, находившихся на службе у князя [11]. Целью вводимых ограничений являлось недопущение усиления власти князя в вечевом городе. Так что указанная В.В. Момотовым особенность правосубъектности иностранцев в действительности не имела места в древнерусском праве.

По мнению ряда исследователей, для периода русского средневековья характерно преобладание обязанностей над правами. Человек не мыслил себя вне общины, вне того места, которое он занимал, полагая, что такая социальная стратификация дана высшими силами и нет способа её изменить, единственная возможность сохранить себя заключается в строгом соблюдении этой стратификации [12]. Такая система межличностных отношений создавала определённые гарантии безопасности жизни и имущества субъекта, однако ограничивала его инициативу и самостоятельность [13].

В связи с этим важно обратить внимание на то, что некоторые исследователи выделяют коллективного субъекта права – вервь, то есть древнерусскую общину [14]. А.Н. Федорова при этом отмечает: «если признать вервь субъектом права, то есть коллективом, способным иметь права и обязанности, вервь была обязана выдать преступника или платить дикую виру, то есть мы можем признать вервь коллективным субъектом юридической ответственности» [15].

Таким образом, в определении факторов, оказывавших воздействие на формирование специфических

прав и обязанностей субъекта правонарушения в древнерусском праве эпохи Псковской Судной грамоты, имеется большое количество сложных и спорных вопросов. Некоторые из них не могут быть однозначно решены на основе имеющегося круга источников, другие искусственно запутаны в исследовательской литературе и разъясняются непредвзятым обращением к источникам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX-XIV вв. М., 2003. С. 138.
2. Новгородская Судная грамота // Российское законодательство X-XX вв. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 307.
3. Эверс И.Ф. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб., 1835. С. 51-52; Попов А. Об опеке и наследстве по «Русской Правде» // Сборник исторических и статистических сведений о России и народах, ей единоверных и единоплеменных. Т. 1. М., 1845. С. 50-66; Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1880. С. 513.
4. Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX-XIV вв. М., 2003. С. 140-141.
5. Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX-XIV вв. М., 2003. С. 141.
6. Русская Правда. Пространная редакция // Российское законодательство X-XX вв. Т. 1. М., 1984. С. 65.
7. Договор («правда») Смоленска с Ригою и Готским берегом 1229 г. // Памятники русского права. Вып. II. Памятники права феодально-раздробленной Руси. М., 1953. С. 60.
8. Новгородская Судная грамота // Российское законодательство X-XX вв. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 306.
9. Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX-XIV вв. М., 2003. С. 141.
10. Договорная грамота короля польского и великого князя литовского Казимира IV с Великим Новгородом 1470-1471 гг. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С.132.
11. См. Оспенников Ю.В. Правовая традиция Северо-Западной Руси XII-XV вв. М., 2007; Он же. Источники русского права X-XV веков: учеб. пособие. Самара, 2009. С. 15.
12. Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX-XIV вв. М., 2003. С.137.
13. Грановский Т.Н. Лекции по истории Средневековья. М., 1986. С. 6.
14. Свердлов М.Б. Семья и община в Древней Руси // История СССР. 1981. №3. С. 103.
15. Федорова А.Н. Правонарушение и юридическая ответственность по Русской Правде. Тольятти, 2004. С. 38.

SUBJECTS OF THE OFFENSES IN TIMESES PSKOVSKOI JUDICAL DIPLOMA

© 2009

A.V. Hachatryan, the competitor.

The Branch Samarskoi humanitarian academy in Togliatti, Togliatti (Russia)

Keywords: The subjects; the offenses; the crimes; hereditability; the citizenship; Pskovskoi Judicial diploma.

Annotation: The problems of the hereditability representatives of the different social groups are considered in timeses Pskovskoi Judicial diploma. Criteria of the determination hereditability subject are Analysed.

LITERATURE

1. Momotov V.V. Formirovanie of Russian medieval right in IX-XIV centuries M, 2003. P. 138.
2. The Novgorod Judgement reading and writing // the Russian legislation H-HH centuries T. 1. The legislation of Ancient Russia. M, 1984. P. 307.
3. Evers I.F. Most ancient Russian right in its historical disclosing. SPb., 1835. P. 51-52; A.Ob's Priests guardianship and the inheritance on To the Russian Truth // the Collection of historical and statistical data on Russia and the people. T. 1. M, 1845. P. 50-66; Sergeevich V. I. Lectures and researches on an ancient history of Russian right. SPb., 1880. P. 513.
4. Momotov V.V. Formirovanie of Russian medieval right in IX-XIV centuries M, 2003. P. 140-141.
5. Momotov V.V. Formirovanie of Russian medieval right in IX-XIV centuries M, 2003. P. 141.
6. The Russian Truth. Vast edition // the Russian legislation X-XX centuries T. 1. M, 1984. P. 65.
7. The contract Smolensk with Rigoju and Gothic coast of 1229 // Monuments of Russian right. II. Monuments of the right of the feudal-shattered Russia. M, 1953. P. 60.
8. The Novgorod Judgement reading and writing // the Russian legislation H-HH centuries T. 1. The legislation of Ancient Russia. M, 1984. P. 306.
9. Momotov V.V. Formirovanie of Russian medieval right in IX-XIV centuries M, 2003. P. 141.
10. The contractual reading and writing of the king Polish and the grand duke of Lithuanian Kazimira IV with Great Novgorod 1470-1471 // Reading and writing of Great Novgorod and Pskov. L., 1949. P.132.
11. Ospennikov JU.V. Legal tradition of Northwest Russia XII-XV centuries M, 2007; See; It. Sources of Russian right X-XV of centuries: studies. The grant. Samara, 2009. P. 15.
12. Momotov V.V. Formirovanie of Russian medieval right in IX-XIV centuries M, 2003. P.137.
13. Granovsky So-called Lectures on Middle Ages history. M, 1986. P. 6.
14. Sverdlov M. B. A family and a community in Ancient Russia // History of the USSR. 1981. 3. P. 103.
15. Fedoroba A.N.offence and legal responsibility under the Russian Truth. Tolyatti, 2004. P. 38.